

ВОЕННЫЕ СЮЖЕТЫ И КУЛЬТ ОРУЖИЯ В ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ

Кубарев В.Д.
(г. Новосибирск)

Российско-Монгольско-Американская экспедиция, организованная для реализации международного проекта <Алтай>, в течение последних 10 полевых сезонов проводила исследования на территории Монгольского и Российского Алтая (Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D., 2001; Кубарев В.Д., 2003). В результате планомерных археологических разведок открыто несколько крупных местонахождений петроглифов в пунктах: Цагаан-Нуур, Хар-Ямаа, Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур, Арал-Толгой (Улаан Хус сомона), Хар-Чулун, Бумбугур-Хад, (Цэнгэл сомона), Баян-Улгийского аймака; а также в долине р.Ирбисту Кош-Агачского района республики Алтай. Неизвестные ранее, святилища с наскальными изображениями, не только по количеству рисунков, но и по их качеству, являются крупнейшими и выдающимися среди других памятников наскального искусства Монголии и Алтая.

Одной из тем петроглифов исследованного региона являются сюжеты, в которых запечатлены фигуры воинов и охотников, вооруженных различными видами оружия. Оно представлено рисунками луков, копий, дротиков, палиц и кинжалов, нередко показанных в натуральную величину.

Лук и стрелы. Самым древним и эффективным оружием дальнего действия являлись лук и стрелы, которые применялись как на охоте, так и в военных действиях. Судя по выбитым рисункам Цагаан-Салаа, Арал-Толгой (Монголия), петроглифам Калбак-Таша и росписям на стенках гробниц Каракола (Алтай), первые изображения охотников с луком, очевидно, появляются в неолите и в раннем бронзовом веке. В этот период лук изображался очень схематично в виде одной изогнутой линии, нередко без тетивы (табл. I - 1) и стрел. Но, возможно, он был уже сложносоставным по конструкции, так как кибить показана слабо вогнутой в центральной части, тогда как плечи лука плавно изогнуты. В эпоху бронзы и раннего железного века лук на рисунках во многих случаях показан также схематично, но уже с натянутой тетивой и заряженной стрелой. Можно предположить, что это был лук простой конструкции, в отличие от сложного лука, который прорисовывался иначе: с круто изогнутыми плечами и концевыми накладками для тетивы (например, см. табл. I - 6, 8-10, 14, 18).

Стрелы и их полет обозначались в виде одной прямой линии или длинным рядом мелких точек (табл. I - 14; II - 15, 16; IV - 3; V - 1,8). Достаточно часто на древках стрел выделены наконечники и оперение. На отдельных рисунках воинов можно различить, подвешенные к поясу гориты и колчаны. А они совершенно идентичны по форме горитам и колчанам, воспроизведенных на многих оленных камнях Алтая и Монголии (Кубарев В.Д., 1981, рис.4; Волков В.В., 1981, с.232).

Следует отметить и экспрессивные позы лучников, как правило, запечатленных в профиль и стреляющих на бегу или даже с колена (см. табл. I; II - 1, 2; V - 1, 2, 10). Эта характерная художественная особенность находит параллели не только в наскальном искусстве Центральной Азии, но и во многих петроглифических комплексах Средней Азии и Западной Европы.

В огромном массиве петроглифов Монголии и Алтая найдено единственное изображение охотника на лыжах (табл. I - 15). Монгольский археолог Д.Цэвээндорж, подробно описав

этот сюжет, приводит летописные свидетельства арабского летописца Рашид-ад-дина о существовании у древних монголов такого редкого средства передвижения. По стилю рисунка, форме колчана и лука, он датирует сюжет бронзовым веком (Цэвээндорж Д., 2000, с.324), хотя, судя по таким же редким, но аналогичным рисункам вооруженных лыжников в петроглифах Енисея и Белого Июса (Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, рис.25; Ларичев В.Е., 2002, рис.5), более реальным представляется отнести монгольское изображение лыжника к раннему железному веку. Этому не противоречат рисунки козла и собаки (волка?), выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, присутствующих в рассматриваемой сцене. Несомненно, одно: лыжи - изобретение сибирских охотников, действительно появились в неолите или бронзовом веке, в зависимости оттого, как датировать единственное наскальное изображение лыжника на Ангаре (Окладников А.П. 1966, рис.12) и главную композицию Томской писаницы. На этом памятнике, среди изображений лосей, также присутствует фигура бегущего лыжника, выполненного в ином стиле и с другими атрибутами. Авторы публикации сравнивают его с подобными рисунками из Тьома в Норвегии и из Залавруги на Белом море, предлагая интерпретировать эту фигуру как иллюстрацию к известному в Сибири мифу о <космической погоне> (Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972, с.214-215).

Копья и дротики применялись в военном деле древних кочевников во все исторические периоды древней истории Монголии и Алтая. Однако в петроглифах наибольшее число рисунков воинов с копьями приходится на бронзовый век и раннее средневековье (табл. II; IV - 9-13; V - 10). Копья почти всегда изображались на длинном древке, на котором можно различить наконечник треугольной или ромбической формы, а также вымпел или бунчук в виде шара. Возможно это кончик хвоста яка. Рисунок копья, древко которого украшено аналогичным бунчуком, выполнен на одном из оленных камней Монголии (Волков В.В., 2002, табл.36 - 2). Несмотря на единственный случай помещения изображения копья в комплекте оружия, нанесенного на оленный камень, оно, возможно, уточняет хронологию центрально-азиатских фигурок воинов с копьями, позволяя датировать их поздней бронзой.

Воины-охотники наскальных изображений алтайских гор обычно держат копья вертикально, одной рукой за среднюю часть древка, - другая рука, согнутая в локте, находится на пояснице. Однако в военных и охотничьих сценах, человек держит копье двумя руками, и оно нацелено на объект нападения или даже поражает противника или свирепого зверя. В отдельных случаях копья и дротики воины поддерживают за нижний конец древка, как бы потрясая ими (табл. II - 1, 2, 13), что, может быть, символизирует превосходство и победу над врагом.

Изображение копья в руках человека - редкий мотив в древних петроглифах других регионов Центральной Азии. Но и они, также как и алтайские могут быть отнесены к эпохе бронзы. Копье, равно как топор и булава, - древние атрибуты не только воина, но и первопредка, родоначальника или шамана. Фигура солнцеголового, несомненно, мифического персонажа, вооруженного топором, например, выбита на стенке каменной гробницы из Каракола (Кубарев В.Д., 1988, рис.35). В руках антропоморфных существ из этого же памятника, очевидно, зажаты палицы или булавы с округлым навершием (там же, табл. V - 1-3).

Палицы-булавы, топоры, чеканы и кинжалы, в основном присутствуют на рисунках вооруженных воинов эпохи бронзы и скифского времени (табл. III; IV - 4-6; V - 2). Как известно, палицы были распространены в Евразии у многих народов в качестве боевого и охотничьего оружия. Анализируя находки из различных археологических памятников, в сравнении с их изображениями в петроглифах Калбак-Таша на Алтае, - этот вид оружия

был определен как палица или булава (Кубарев В.Д., 1987, с.155-160). Наскальные рисунки Алтая свидетельствуют, что палица использовалась не только в ближнем бою, но применялась и на охоте. В монгольских петроглифах некоторые охотники даже держат по две палицы в руках (табл. III - 1-3, 5, 9.), а у лучников, палица находится на поясе или свисает вниз с локтя руки (табл. II - 8, 12, 17; IV - 7; V - 1). Многократное повторение этого сюжета, передающего способ фиксирования палицы при стрельбе из лука, позволяет считать его традиционным в эпоху бронзы в среде пеших воинов. Аналогичный прием ношения боевой булавы при помощи ременной петли, наброшенной на локтевой сгиб руки во время похода, до недавнего времени практиковался казахскими <батырами> (Курылев В.П., 1978, с.6). Палицы или булавы мун (монг.), шокпар (казахск.) являлись также личным оружием монгольских и казахских пастухов, охраняющих скот. Этот вид оружия, несомненно, был унаследован от их далеких предков, обитавших ранее на территории Монголии и Казахстана.

Булавы и палицы имели наверхия разнообразной формы и выполнялись из разного материала (камень, металл, и даже дерево). В национальном историческом музее Монголии хранятся древние каменные наверхия палиц, округлой, шаровидной, полусферической, конусовидной форм, и в виде многогранных шипов. И сегодня можно встретить в обиходе населения Монголии палицы борохой, изготовленные из корневищ деревьев. Они используются как ударное орудие для вбивания больших кольев, и специально протянутых между ними ремней, к которым привязывают жеребят. Еще одна функция монгольских палиц магическая, - борохой хранится у входа юрты как символическая защита от злых духов.

Интересными представляются в петроглифах Монголии и Алтая, вооруженные мужские фигуры, показанные, с подвешенными к поясу хвостами (табл. I - 2, 10-12, 16; II - 1-4, 6, 9, 11, 14-16, 17; III - 16,17; IV - 1, 7, 9-13; V - 1, 2). Впервые, это стало ясным после изучения петроглифов Калбак-Таша (Российский Алтай), где найдена целая серия очень близких по стилю рисунков <хвостатых> мужчин (Кубарев В.Д., 1987, с.155-160). Их расположение рядом с рисунками быков, имеющих совершенно такой же формы хвосты, теперь не вызывает сомнения в том, что изображен действительно хвост, а не какой-либо другой предмет?. Убеждает нас, в достоверности такой трактовки, - изображение хвостов и на человеческих фигурках из петроглифов Монголии и Тувы (Новгородова Э.А., 1984, с.56; Дэвлет М.А., 1998, с.161). Необходимо отметить, что Е.А.Новгородова правильно определила изображение бычьих хвостов в руках мужских персонажей, но прямой, заканчивающийся контурным или сплошным <шариком> хвост, прикрепленный к поясу человечков, она приняла за вторую ногу этих оригинальных, до предела схематизированных фигур (1984, с.53-54). Если опираться на археологические данные, полученные при исследовании алтайского могильника Кальджин, где в одном из курганов найдена меховая шуба оригинального покроя, с лопастью в виде хвоста (Полосьмак Н.В., 2001, рис.94), то можно допустить, существование такой одежды и у монгольских воинов. Из этнографических источников также известно, что воины и шаманы часто поверх одежды надевали шкуры животных или приделывали к поясу сзади хвосты (Потапов Л.П., 1991, с.210-211). Шкура с хвостом была в древности особым отличительным знаком мужчины-воина и охотника. <В военной терминологии древних характерны отождествления героя со зверем. Волками и псами называли воинов иранцы> (Акишев А., 1984, с.48). Однако, на ряде фигур, хвост можно принять за палицу или булаву, которые иногда подвешивались на пояс (табл. I - 9; II - 8, 12). На отдельных палицах, представляется возможным даже различить форму наверхий: ромбовидную, округлую или с острыми шипами. Избежать ошибки в определении, близких по форме хвостов и палиц позволяют сцены поединков, когда персонажи, имеющие хвосты, применяют палицы в качестве ударного оружия. Можно привести и еще один, более убедительный

пример. Так несколько рисунков хвостатых воинов из петроглифов Монгольского Алтая, имеют стандартный комплект вооружения: рогатый шлем, лук, колчан или горит, стрелы, кинжал и палицу (табл. I - 16; III - 17).

Топоры и чеканы - грозное оружие ближнего боя редко встречается в петроглифах алтайских гор, в отличие от настоящего и вотивного видов этого оружия, найденного во многих погребениях ранних кочевников (Кубарев В.Д., 1991, рис.18). В основном топорами и чеканами вооружены одиночные фигуры воинов (табл. III - 13, 14). Их датирование весьма проблематично, но отдельные рисунки и военные сюжеты по сопутствующим изображениям представляется возможным отнести к карасукскому (табл. III - 11) и раннескифскому времени (табл. V - 2). В последней сцене чеканом или топором вооружен всадник, за спиной которого приторочена палица. Такое сочетание разных видов оружия дает основание предполагать, что палицы в военном деле древних кочевников продолжали применяться и в скифскую эпоху.

Кинжалы и сабли (табл. II - 18; III - 15-20; V - 3, 7) также в малом числе встречаются на рисунках воинов в исследованном нами регионе. Их размеры часто гипертрофированы, но форма и пропорции оружия соблюдены и предельно детализированы. Особенно интересен рисунок кинжала, нанесенный выбивкой на отдельный камень, в святилище Хара-Чулун (см. табл. III - 20). Он выполнен в натуральную величину (общая длина составляет 42 см) и очевидно показан в ножнах с округлым оконечником и портупейным ремнем. Его широкий, короткий клинок, рукоять с прямым перекрестием и навершием, напоминают карасукские кинжалы, датируемые поздним бронзовым веком. К этому же времени следует отнести еще два рисунка кинжалов, найденных всего в нескольких километрах от Хара-Чулуна, вверх по реке Хар-Салаа. Они выполнены техникой точечной выбивки и имеют кольцевидное навершие (табл. III - 18, 19). Следует еще упомянуть об одиночном изображении лука из Хара-Чулуна, который, как и кинжал, нанесен на отдельный камень (табл. III - 21). Такое внимание к изображению предметов вооружения, возможно, информирует о зарождающемся культе оружия, который в полной мере воплотился в оленных камнях - монументальных памятниках Центральной Азии.

Сабли или палаши очень редко встречаются среди рисунков других видов оружия. В нашей серии имеется только два персонажа, вооруженных саблями: пеший воин из петроглифов Бага-Ойгура (табл. V - 3) и всадник из Елангаша (табл. V - 7). Оба рисунка предположительно могут датироваться древнетюркской эпохой.

Отличительными (возможно, этнокультурными) знаками мужчин-воинов служат изображения головных уборов. В эпоху бронзы и раннего железного века преобладают шлемы или шапки, своеобразной формы в виде половинки луны. Они получили в археологической литературе название грибовидных, что не всегда соответствует этому определению, так как на воинах встречаются самые разнообразные варианты этого головного убора: с рогами, <антеннами>, <лучами-перьями> и с <плюмажем>. У фигуры великана из Калбак-Таша (табл. II - 17) головной убор треугольной формы с лопастями - шлем или шапка, напоминающая малахай степных кочевников. Над головным убором возникшего из Елангаша изображена миниатюрная фигурка оленя (табл. V - 5). Не исключено, что она могла служить украшением или даже священным (тотемным?) оберегом воина, как, например, покрытые золотом фигурки небесных оленей на головных уборах пазырыкских воинов Алтая (Кубарев В.Д., 1991, рис.28; Полосьмак Н.В., 2001, рис.104).

Колесницы с воинами, вооруженными луком, палицей и копьем (табл. V - 4-6) также являются вполне традиционным сюжетом в петроглифах Монголии и Алтая. В настоящее

время в этом регионе открыто и опубликовано около 500 колесниц. Аналогичные типы колесниц в большом числе воспроизведены на петроглифических памятниках Кавказа, Средней и Центральной Азии. Рисунки колесниц открыты и в различных районах Внутренней Монголии и Синьцзяна. Пожалуй, только на Алтае несколько необычно выглядит легкая одноосная колесница из Калбак-Таша? (табл. II - 7), которую одной рукой держит человек в грибовидном головном уборе (Кубарев В.Д., 1987, рис.2; Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, Fig.449). Если масштаб рисунка колесницы по отношению к фигуре человека выдержан точно, то создается впечатление, что многие древние колесницы были достаточно легкими, мобильными и могли использоваться в условиях алтайских высокогорий. Многими исследователями подмечено, что изображения колесниц часто группируются в местах, связанных с источником или долиной реки, по которой в древности пролегал удобный караванный путь. Так из Елангаша через высокогорный перевал можно быстро попасть в долину реки Джазатор и на плоскогорье Укок, и далее в Китай и Монголию. В пограничном с Монголией хребте Сайлюгем имеется не менее десяти удобных и невысоких перевалов, по которым в древности проходили наиболее короткие пути из Российского Алтая в пределы Монголии.

Изобразительные материалы Монголии и Алтая не подтверждают использование колесниц в военном деле. В указанных регионах нет ни одной батальной сцены, запечатлевшей сражение на колесницах. С колесниц, судя по петроглифам, охотились с луком на оленей, диких лошадей, быков и козлов. Но невольно возникает вопрос, каким образом в глубоких и труднопроходимых ущельях Алтая можно было охотиться с колесницы? к примеру, на горных козлов, отличавшихся природной чуткостью и необыкновенной ловкостью, которые при малейшей опасности скрывались в недоступных скалах. Устойчивый и много раз, повторяющийся в алтайских горах каноничный сюжет: колесница + олень, наверное, отображает не охоту на него, а определенные мифологические представления их создателей. Космическая сущность колесниц и оленей, их связь с солнцем, подтверждается текстами Ригvedы и является одной из главных тем в наскальном искусстве Средней и Центральной Азии (Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977, с.206; Окладников А.П., 1980, с.85-86; Йеттмар К., 1985, с.48; и др.). Но кажется и такая, по существу традиционная трактовка, ставится под сомнение некоторыми исследователями, полагающими, что рисунки колесниц и повозок, дают возможность судить только об использовании их в качестве транспортного средства или боевой техники (Новоженков В.А., 1994, с.111; Дэвлет М.А., 1998, с.84).

Вооруженные всадники в эпоху ранних кочевников - самый излюбленный сюжет монгольских и алтайских петроглифов (табл. V - 2, 8, 9). Именно в этот период лошадь внедряется во все сферы жизни кочевников: мировоззренческую, хозяйственную, военную, ритуальную, и т.д., а образ мифического коня становится ведущим мотивом в искусстве кочевников всей Евразии (Ковалевская В.Б., 1977). Рисунки всадников хорошо датируются скифским временем по изображениям чеканов в руках или колчанов, висящих на их поясах. Чаще всего всадники присутствуют в сценах охоты на животных, которым близки по стилю копытные, выполненные в так называемом <монголо-забайкальском> стиле и известных также по рисункам на оленных камнях Монголии.

В древнетюркских сюжетах наскального искусства Центральной Азии звучит все та же извечная тема удачной охоты, древний культ коня и единоборство <рыцарей>. Особенно яркий и выдающийся комплекс древнетюркских петроглифов недавно открыт в долине реки Хар-Салаа, у священной горы Шивет-Хайрхан (Кубарев В.Д., 2001а; 2001б). В репертуаре этой оригинальной, в художественном отношении, галереи наскальных шедевров, главенствует образ конного воина. Вооруженный луком герой на великолепном породистом скакуне охотится на горных козлов и оленей. И в этом ему помогают около 40

пеших и конных воинов, загоняющих зверей в засаду. Всадников из Хар-Салаа, очевидно следует отнести к древнетюркской легковооруженной коннице. Но, здесь же есть и редкая сцена поединка тяжеловооруженного воина с лучником и другим противостоящим всадником, также вооруженным длинным копьём (табл. V - 10). В силуэтном рисунке катафрактария угадываются угловатые очертания металлического шлема с плюмажем, длинный бронированный халат, на лошади защитная попона. Подобные изображения конных средневековых <рыцарей> в доспехах, с тяжелыми копьями, известны в Цагаан-Отог и Хар-хаде (Монгольский Алтай), а также в петроглифах Жалгыз-Тобе, Кара-Оюка, Бичикту-Бома и на плитах древнетюркского поминального сооружения, в долине р. Юстыд (Российский Алтай).

Всадники из Хар-Салаа и Елангаша, в эволюционном плане, представляют собой уже сложившийся прототип центрально-азиатского всадника: <летающего> и стреляющего из лука средневекового воина, воплощенного в наскальных рисунках, торовитке, украшениях и предметах утилитарного назначения. Его мифический образ стал каноном в изобразительном творчестве кочевников и был широко распространен в искусстве многих средневековых культур Евразии (Нестеров С.В., 1990).

Возможно, что уже в эпоху бронзы в горах Монголии и Алтая зародился героический эпос, в котором значительное место отводилось образу мужчины-воина и его подвигам. В свое время такую гипотезу выдвинул М.П.Грязнов. Рассмотрев целый ряд памятников изобразительного искусства народов азиатских гор и степей, он пришел к выводу о том, что героический эпос тюрко-монгольских народов сложился уже в эпоху древних кочевников (Грязнов М.П., 1961). В изображениях на темы героического эпоса М.П.Грязнов выделил несколько канонических сцен-моментов: <борьба-поединок богатырей, поединок богатырских коней, смерть и оживление богатыря, охотничьи подвиги богатырей> (там же, с.29). В петроглифах Монгольского и Российского Алтая также много сцен, которые могут быть интерпретированы как наскальные иллюстрации к архаическому эпосу. Наиболее часто встречаются сцены единоборства, в которых воины противостоят друг другу с одинаковыми видами оружия: луки, палицы, чеканы и копья (табл. IV). Наверное, они передают в лаконичной форме изобразительных цитат, образ богатырей - баатыров или охотника - мергена: особый тип культурного героя в эпических произведениях тюрко-монгольских народов. Его подвиги многочисленны: борьба с враждебными богатырями из-за родовых охотничьих и пастбищных угодий, единоборство со злыми духами подземного мира и чудовищами, пожирающими людей, героическая охота на опасных и хищных зверей, сватовство с трудными поручениями отца невесты, и т.д. К архаическому эпосу <генетически восходят многие сюжеты и мотивы алтайского эпоса: постоянные выезды богатырей на охоту, рождение сына во время пребывания отца на охоте, измена жены или сестры> (Суразаков С.С., 1985, с.29).

В петроглифах Алтая нет широких батальных картин войны, но есть сцены боя с рядами противостоящих воинов, стреляющих друг в друга из луков (табл. V - 1). По сути, они тиражируют все тот же эпизод единоборства богатырей-силачей, которое в древности происходило на поле битвы, непосредственно перед началом военных действий. Такой обычай существовал у многих народов, когда поединок воинов по существу мог предугадать исход сражения. Многочисленные предания алтайцев и соседних народов очень подробно описывают поединок богатырей при решении споров и конфликтов между родами и племенами. Так, например, на Алтае сохранилась легенда о богатыре Ирбизеке, победивших монгольских силачей (там же, 1985, с.70). В киргизском героическом эпосе <Манас>, в соответствии с реальными обычаями глубокой старины, массовая битва начинается только после поединка между самыми именитыми бойцами

вражеских сил (Жирмунский В.М., 1974, с.66). Надо полагать, что именно такой момент и запечатлен на скальных <полотнах> Алтая и Монголии.

Особо следует сказать о нескольких сценах в петроглифах Алтая, в которых воины атакуют гротескно изображенную фигуру великана (табл. II - 15-18). Аналогичный сюжет отмечен археологами в древних святилищах Монголии, Казахстана, на Алтае и в Хакасии. Тагарские <гиганты>, очевидно, близки алтайским великанам по интерпретации семантики образа, потому, что и они часто задействованы в батальных сценах. Но их роль в контексте военных сцен не совсем ясна (Советова О.С., 1995, табл. IV), тогда как в алтайской серии подобных фигур, мифологический подтекст явно присутствует. Это нетрудно установить, обратив внимание на каноничность сюжета: два воина (в одиночку не одолеть вражеского врага-исполина) преследуют и даже поражают сказочного великана. Лаконичному повествованию в петроглифах Алтая соответствуют сюжеты борьбы двух героев с одноглазыми великанами-людоедами, описанные в алтайских, казахских и киргизских легендах. Например, в киргизском героическом эпосе <Манас> одноглазый великан Малгун <встречается Алмамбету и Сыргаку во время разведки. Малгун неуязвим. Не поранить его мечом, даже пика ему нипочем, не пробьет секира его. Сыргак пронзает его глаз <найзой> (пикой). Глаз, единственно уязвимое место чудовища. Шесть дней и ночей гоняются киргизские богатыри за слепым великаном, покуда Сыргак не сбивает с него волшебный шлем, охранявший его жизнь> (Жирмунский В.М., 1974, с.81).

Сказания об одноглазых великанах широко распространены у многих народов Евразии, отразившись, например, в наиболее известной древнегреческой <Одиссее>. В ней описывается эпизод об ослеплении Одиссеем и его спутниками циклопа Полифема. Вопрос о времени и условиях сложения <каменписного> повествования о великанах в алтайских горах представляется достаточно сложным, но следует заметить, что этот изобразительный сюжет гораздо древнее текста о приключении Одиссея, описанных историком Геродотом. Поэтому можно предположить, что образ великана сложился автохтонно, на основе местных архаических сказаний и легенд, а не заимствован из мифологий древних народов Евразии.

В заключение можно резюмировать:

- 1) военные сцены в наскальных изображениях исследованного региона встречаются редко в отличие от многочисленных охотничьих сюжетов.
- 2) в горах Алтая нет ни одной панорамы батальных сражений с большим числом воинов, что не позволяет выделить различные виды войск и выявить особенности военного искусства ранних кочевников.
- 3) основные сюжеты с фигурами конных и пеших воинов являются иллюстрациями мифов и архаического эпоса, зародившегося в Центральной Азии, возможно, в III-II тыс. до н.э.

Тем не менее, анализ произведений наскального искусства Алтая, объединенных темой войны и военного дела древнейших и средневековых кочевников, показал, что петроглифы и в данном случае имеют огромный информационный потенциал. Изобразительные материалы, прежде всего, дают реальную возможность установить комплекс вооружения древне-алтайских воинов, определить хронологию композиций и локальное своеобразие военных сцен, а также полнее раскрыть семантику отдельных образов и сюжетов.

Литература

1. Акишев А. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1984. - 176 с.
2. Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор 1981. - 254 с.
3. Волков В.В. Оленные камни Монголии. - М.: Научн. мир, 2002. - 248 с.
4. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. - АСГЭ. - Л.: ГЭ, 1961. - Вып.3. - С.7-31.
5. Дэвлет М.А. Петроглифы на дне саянского моря (гора Алды-Мозага). - М.: Памятники исторической мысли, 1998. - 288 с.
6. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - Л.: Наука, 1974. - 727 с.
7. Йеттмар К. Перекрестки путей и святилища в Западной Центральной Азии // Информ. Бюллетень МАИКЦА. - 1985. - Вып.8. - С.46-58.
8. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. - Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1977. - 230 с.
9. Ковалевская В.Б. Конь и всадник (пути и судьбы). - М.: Наука, 1977. - 152 с.
10. Кубарев В.Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана 1 памятника Туэкта // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С.65-74.
11. Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. - Новосибирск: Наука, 1987. - С.150-167.
12. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. - 173 с.
13. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск: Наука, 1991. - 190 с.
14. Кубарев В.Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. - Горно-Алтайск, 2001а. - ?7. - С.155-159.
15. Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2001б. - ?4. - С.95-107.
16. Кубарев В.Д. Алтай-Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. - Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. - ?10. - С.46-61.
17. Курылев В.П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сб. МАЭ. - Л.: Наука, 1978. - ?34. - С.4-22.
18. Ларичев В.Е. Структуры Мироздания и обитателей его в мировоззрении тагарского жречества Южной Сибири // Астрономия древних обществ. - М.: 2002. - С.217-220.
19. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. - 143 с.
20. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. - М.: Наука, 1984. - 168 с.
21. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. - М.-Л.: Наука, 1966. - 322 с.
22. Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. - Л.: Наука, 1980. - 271 с.
23. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц. - М., 1972. - 255 с.
24. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. - Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. - 336 с.
25. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. - Л.: Наука, 1991. - 321 с.
26. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. - Красноярск, 1985. - 188 с.
27. Советова О.С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. - Кемерово: Кем. ГУ, 1995. - С.33-54.
28. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. - М.: Наука, 1985. - 256 с.
29. Якобсон Э. <Эмблема> и <Повествование> в наскальном искусстве Монгольского Алтая // Вестник САИПИ. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000б. - Вып.3. - С.6-14.
30. Якобсон Э. К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2002. - ?3(11). - С.32-47.
31. Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). - УБ.: Gamma, 1999. - 317 с. (На монг. яз).

32. Kubarev V.D., Jacobson E. SIBERIE DU SUD, 3: KALBAK-TASH I (REPUBLIQUE DE L'ALTAI). Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale, fasc. no.3. - Paris: De Boccard, 1996. - 45 pp., 15 pl., 662 fig.

33. Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D. MONGOLIE DU NORD-OUEST: TSAGAAN SALAA/BAGA OIGOR. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale, fasc. no.6. - Paris: De Boccard, 2001. - 2 vols. - 481 pp., 15 map., 399 pl.

Та6н.1

Табл. II

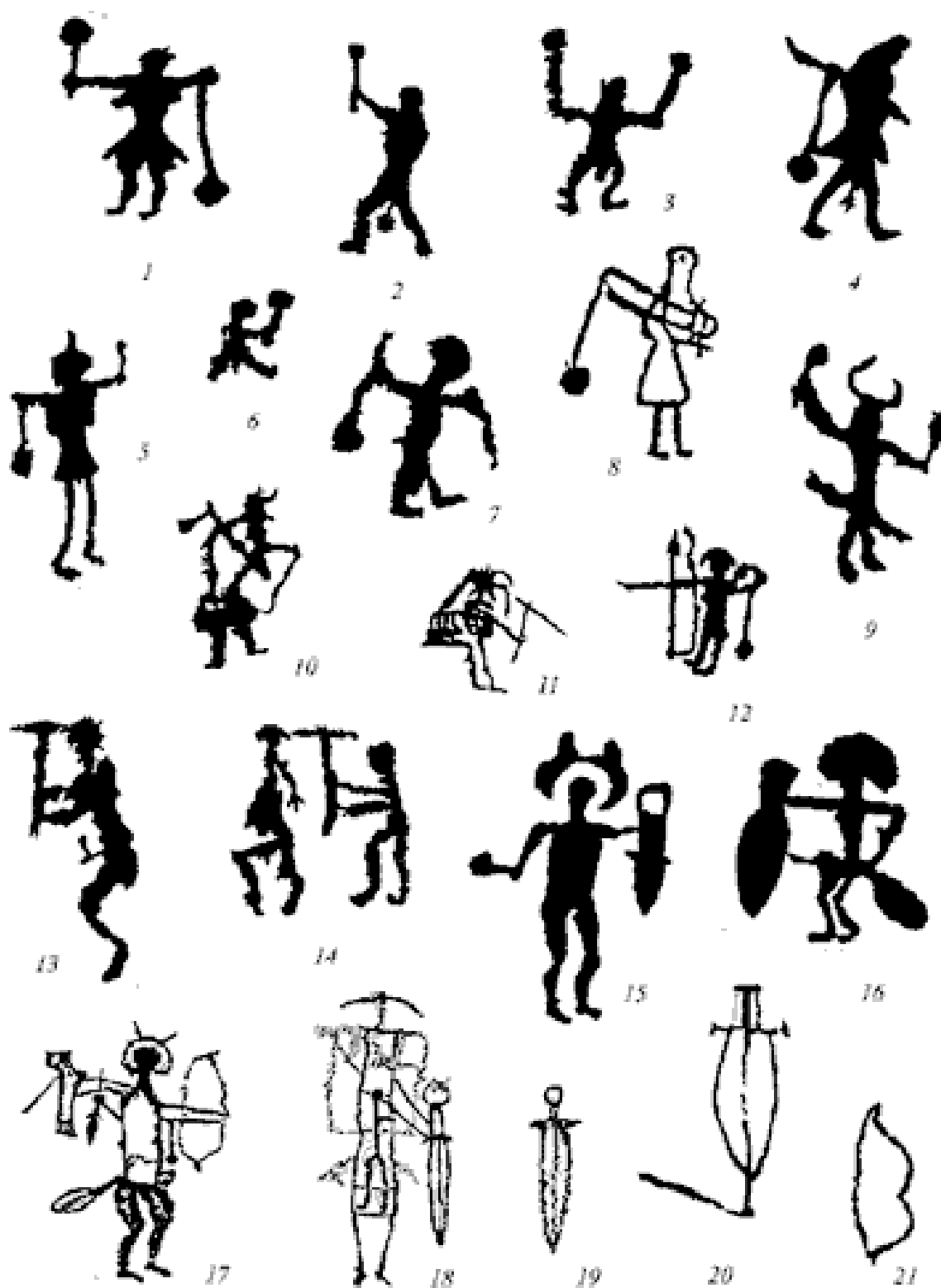
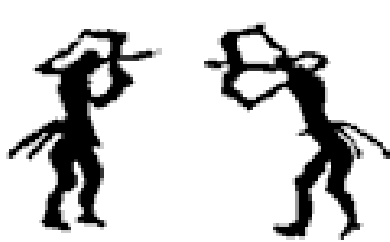

Табл. III

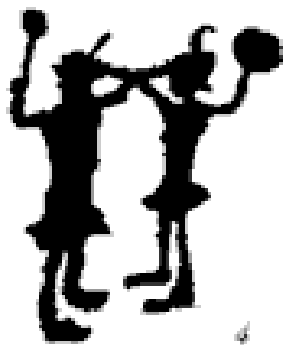
1

2

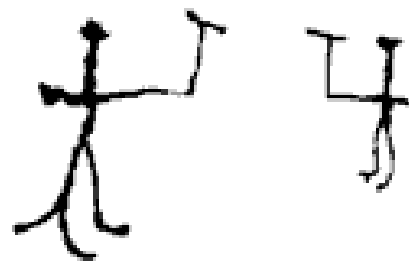
3

4

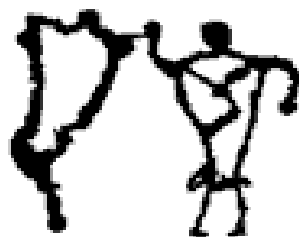
5

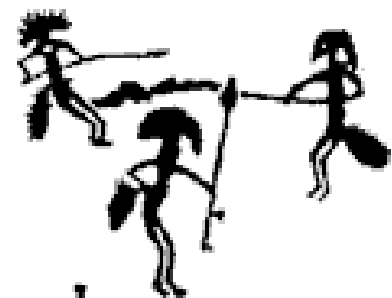
6

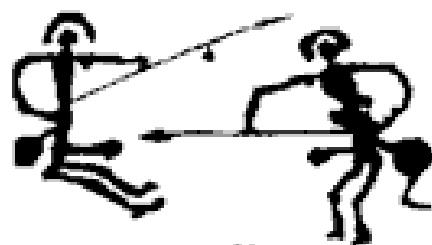
7

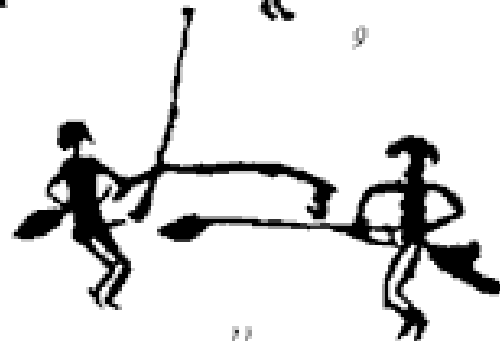
8

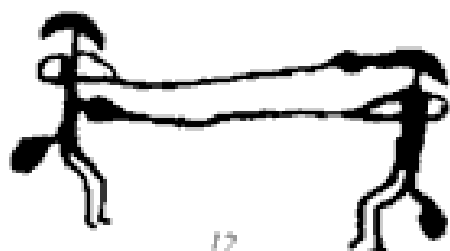
9

10

11

12

13

10
Табл.V